Н. Н. Новиковъ,
Докторъ философіи Бернскаго университета.

КАТЕХИЗИСЪ

ИСТИННО-РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА,

составленный согласно съ воззрѣніями Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Аксаковыхъ, Хомякова и другихъ лучшихъ истинно-русскихъ писателей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912.

13(н)

Незабвенной и благородной памяти людей,

душу свою положившихъ

за матеріальное и духовное освобожденіе

русскаго народа.

«...Спой, что бы каждый и слышалъ и зналъ,
Что недалекъ ужъ разсвѣтъ,
И что, какъ вѣстникъ зари, прозвучалъ
Нѣжный любовный привѣтъ!..
　Пусть эта пѣсня божественныхъ грезъ,
　Гимнъ нашимъ лучшимъ мечтамъ,
　Будетъ слышна и ослѣпшимъ отъ слезъ
　Жертвамъ, и ихъ палачамъ!
Пѣсню другую тогда я спою...»

(*Н. Н. Н.*, «Двѣ пѣсни»).

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
　　Русскій народъ...»

(*Н. А. Некрасовъ*, «Сѣятелямъ»).

КАТЕХИЗИСЪ

ИСТИННО-РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.—Истинно-русскіе и просто-русскіе люди.

«Я не лейбъ-кучеръ, не асессоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто—русскій мѣщанинъ».
А. С. Пушкинъ.

Вопросъ.—Кто можетъ именоваться русскимъ человѣкомъ?

Отвѣтъ.—Всякій человѣкъ, для котораго русскій языкъ есть *родной* языкъ, и который считаетъ русскій народъ своимъ *роднымъ* народомъ, имѣетъ право именоваться русскимъ человѣкомъ.

В.—Какихъ же людей мы называемъ «истино-русскими»?

О.—Тѣхъ людей, относительно которыхъ мы убѣждены, что русскій языкъ для нихъ истинно-родной языкъ, а русскій народъ—истинно-родной народъ.

В.—Какой языкъ мы называемъ своимъ роднымъ языкомъ?

О.—Тотъ языкъ, на которомъ мы обыкновенно *думаемъ* и который мы любимъ.

В.—Если мы любимъ свой родной языкъ, значитъ ли это, что мы считаемъ его самымъ лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ языковъ?

О.—Какъ человѣкъ любитъ свою родную мать не потому, чтобы онъ считалъ ее лучшею изъ всѣхъ матерей на свѣтѣ, а потому, что она *его* мать, что *для него* она лучше всѣхъ чужихъ матерей,—такъ и родной нашъ языкъ мы любимъ не потому, чтобы считали его лучшимъ изъ всѣхъ языковъ *для каждаго человѣка* на свѣтѣ, а потому, что *для насъ* онъ лучше: выразительнѣе, понятнѣе, «роднѣе». Намъ могутъ нравиться и другіе языкп какими-нибудь своими особенными преимуществами: напримѣръ, итальянскій—своимъ благозвучіемъ; англійскій—простотой своей грамматики; нѣмецкій—своей выработанностью и гибкостью,—но, если нашъ родной языкъ—русскій, то онъ все-таки и всегда

останется для насъ самымъ «милымъ», самымъ «выразительнымъ» языкомъ, на которомъ мы лучше всего выражаемъ наши мысли и чувства. Знаменитый русскій писатель, Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій, — еще дѣдъ котораго считалъ себя принадлежащимъ къ «польской націи»,—въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свое отношеніе къ русскому, какъ къ родному для себя, языку:

«Какъ несмѣтное множество церквей и монастырей, съ куполами, главами, крестами, разсыпано на святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ его выраженіи часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не

всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ: но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко-сказанное русское слово».

В.—Какой народъ мы считаемъ своимъ роднымъ народомъ?

О.—Тотъ народъ, который говоритъ на родномъ намъ языкѣ, — среди котораго сложилась наша духовная жизнь, радости и печали котораго мы лучше всего понимаемъ, страданья и счастье котораго мы больше всего раздѣляемъ, и который мы любимъ больше, чѣмъ какой бы то ни было другой народъ на свѣтѣ.

II.—О любви къ родному народу.

В.—Если мы любимъ свой родной народъ больше, чѣмъ какой-бы то ни было другой на свѣтѣ, значитъ ли это, что мы считаемъ его самымъ лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ народовъ?

О.—На этотъ вопросъ можетъ быть данъ лишь отвѣтъ, подобный тому, который мы дали *на вопросъ, считаемъ ли мы свой родной языкъ* самымъ лучшимъ изъ существующихъ языковъ. Родной народъ нашъ милѣе всѣхъ другихъ народовъ потому уже, что онъ говоритъ на родномъ намъ языкѣ, и, слѣдовательно, онъ намъ, а мы ему—понятнѣе, ближе, «роднѣе».

В.—Но развѣ не всякій русскій по происхожденію и говорящій по-русски человѣкъ любитъ русскій языкъ, какъ родной языкъ, а русскій народъ, какъ родной народъ?

О.—О, нѣтъ! далеко не всякій! Во-первыхъ, есть и были люди, русскіе по происхожденію и по языку, которые, однако, вовсе не любили и не любятъ ни русскаго языка, ни русскаго народа, а во-вторыхъ, были и есть люди, которые любили и любятъ русскій языкъ и русскій народъ, но не истинною любовью.

В.—Возможно ли это?

О.—Настолько же возможно, насколько возможно существованіе дѣтей, не чувствующихъ никакой любви къ своей родной матери, и существованіе матерей, любовь которыхъ къ ихъ собственнымъ дѣтямъ не можетъ быть признана истинной любовью, такъ какъ она способна принести имъ больше вреда, чѣмъ блага.

В.—Какая же любовь къ родному народу заслуживаетъ наименованія истинной любви?

О.—Та любовь, которая нераздѣльна отъ желанія своему народу всѣхъ истинныхъ благъ, доступныхъ людямъ на землѣ.

В.—Какія же это блага?

О.—Истиннымъ благомъ для человѣка мы называемъ все то, что его дѣлаетъ *болѣе человѣчнымъ*, т.-е. болѣе добрымъ, великодушнымъ, просвѣщеннымъ, а также все то, что избавляетъ его отъ страданій, препятствующихъ развитію въ

немъ *человѣчности*, т.-е. любви къ ближнимъ, великодушія, просвѣщенности, — таковы, напримѣръ, физическія болѣзни, насилія надъ человѣческой совѣстью, лишенія свободы. Народъ же лишь состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей; помимо этихъ личностей, составляющихъ народъ, никакого народа нѣтъ. Слѣдовательно, все то, что является истиннымъ благомъ для *каждаго* изъ людей, составляющихъ народъ, будетъ истиннымъ благомъ и для всего народа.

В.—Каковы важнѣйшія изъ этихъ благъ?

О.—Однимъ изъ самыхъ важныхъ для народа благъ слѣдуетъ признать свободу слова. Вотъ въ какихъ пламенныхъ словахъ говоритъ истинно-русскій поэтъ К. С. Аксаковъ о благахъ, создаваемыхъ свободнымъ словомъ:

«Ты—чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ къ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,

Въ животной же силѣ нѣтъ прока;
Для истины гибель она,
Спасенье для лжи и порока.
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ опасно одно
Свободное слово!
Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей—
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!
О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ
На казни, на вредную рѣчь;
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!»

В.—Можетъ ли обладать свободой слова народъ, не вполнѣ свободный?

О.—Нѣтъ! всякая зависимость отъ чего бы то ни было лишаетъ не только народъ, но и каждаго отдѣльнаго человѣка свободы слова въ извѣстной степени. Вотъ почему свобода является важнѣйшимъ условіемъ народнаго счастія, народнаго процвѣтанія. И величайшій русскій поэтъ, А. С. Пушкинъ, главной своей заслугой, дающей ему права на безсмертіе, считалъ не несравненную прелесть своего стиха и не богатство своей фантазіи, а — свое служеніе дѣлу свободы. Въ гордомъ и красивомъ стихотвореніи «Памятникъ» онъ говоритъ:

«Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ, весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что *въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу*
И милость къ падшимъ призывалъ».

И Пушкинъ дѣйствительно «прославилъ» свободу; онъ глубоко понималъ ея значеніе для народнаго счастія. Въ своей юношеской одѣ «Вольность» онъ совершенно правильно оцѣниваетъ политическія условія, въ которыхъ находилось современное ему культурное человѣчество:

«Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Вездѣ неволи грозный геній
И къ славѣ роковая страсть».

Лишь тамъ, — продолжаетъ поэтъ, — не слышится «людей стенанье»,

«Гдѣ крѣпко съ *вольностью святой*
Законовъ мощныхъ сочетанье,

Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ ровными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,
Гдѣ преступленье свысока
Разится праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ»...

Другой великій и столь же истинно-русскій поэтъ М. Ю. Лермонтовъ полагалъ, что Пушкинъ былъ «затравленъ» и погибъ именно, какъ ненавистный многимъ «пѣвецъ вольности». Въ русской литературѣ немного стихотвореній, равныхъ по силѣ тому, которое 23-лѣтній Лермонтовъ написалъ «на смерть Пушкина»:

«Погибъ поэтъ невольникъ чести,
Тамъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ:
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде,—и убитъ!
Убитъ!.. къ чему теперь рыданья,

Похвалъ и слезъ не нужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть занимавшійся пожаръ?..
Что-жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!..»

Въ заключеніе Лермонтовъ обращается именно къ тѣмъ своимъ современникамъ, которыхъ, между прочимъ, мы имѣли въ виду, когда утверждали, что были и есть люди, русскіе по происхожденію и по языку, не любившіе, однако, и не любящіе ни русскаго народа, ни русскаго языка. Этимъ людямъ юный поэтъ бросилъ въ лицо слѣдующія знаменитыя строки:

«А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящія у трона,

Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный Судія—онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!»

Ошибочно было бы однако думать, что Пушкинъ и Лермонтовъ первые изъ русскихъ поэтовъ возстали противъ «законовъ гибельнаго позора», противъ «свободы, генія и славы палачей»: принадлежавшій къ гораздо болѣе раннему поколѣнію знаменитый Державинъ (род. 1743, ум. 1816) съ неменьшимъ негодованіемъ и съ неменьшей силой говоритъ въ своемъ стихотвореніи о тѣхъ, которыя «видятъ — и не знаютъ», о «земныхъ богахъ»:

«Возсталъ Всевышній Богъ – да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ», рекъ: «доколь вамъ будетъ

Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть: сохранить законы
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».
Не внемлютъ! видятъ—и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса...»

III. — Любовь къ родному народу и наука.

В.—Кромѣ свободы и свободнаго слова, какихъ еще благъ долженъ желать своему родному народу любящій его человѣкъ?

О.—Для того, чтобы дать исчерпывающій и вполнѣ сознательный, продуманный отвѣтъ на этотъ ввопросъ, нужно многому учиться: нужно ознакомиться съ условіями жизни, развитія и процвѣтанія народовъ, съ обстоятельствами, способствующими увеличенію народнаго богатства, съ причинами, вліяющими на народное здравіе, на распространеніе въ народѣ просвѣщенія, доброй нравственности, предпріимчивости, энергіи, художественныхъ склонностей, т.-е. всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ жизнь народа содержательной, разнообразной и здоровой. Вотъ почему всегда и вездѣ люди, истинно любившіе свой родной народъ, горячо отстаивали необхо-

димость содѣйствія распространенію въ народѣ научнаго образованія. Недостаточно только любить свой народъ, нужно еще и *знать*, что именно необходимо и важно для народнаго блага. Необходимо, чтобы и самъ народъ зналъ и понималъ это, т.-е. какъ можно сознательнѣе относился къ своей собственной судьбѣ. А дать такія знанія можетъ только наука. И люди, истинно любившіе русскій народъ, всегда были пламенными поборниками научнаго образованія. Такъ, напримѣръ, еще М. В. Ломоносовъ, сынъ холмогорскаго крестьянина-рыбака, сдѣлавшійся знаменитымъ русскимъ ученымъ и поэтомъ, въ своей одѣ на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны обращался къ русскимъ ученымъ и къ иностранцамъ, приглашеннымъ въ Россію для распространенія просвѣщенія, со слѣдующими словами:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать».

И Ломоносовъ глубоко понимаетъ значеніе науки. Въ слѣдующей же строфѣ той же оды онъ говоритъ:

«Науки юношей питаютъ
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ:
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и въ трудѣ»...

Своею жизнью Ломоносовъ доказалъ, что эти слова въ его устахъ были не пустыми словами. Неутомимо работалъ онъ на научномъ поприщѣ. Въ научныхъ занятіяхъ Ломоносовъ дѣйствительно находилъ себѣ и отраду и душевный отдыхъ. Когда его могущественный покровитель, вельможа И. И. Шуваловъ, попробовалъ скло-

нить Ломоносова къ тому, чтобы онъ окончательно посвятилъ себя «наукамъ словеснымъ» оставивъ занятія «науками естественными», то Ломоносовъ отвѣтилъ письмомъ въ высшей степени характернымъ для этого геніальнаго ученаго и труженика:

«Что же до моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности»— писалъ Ломоносовъ Шувалову въ январѣ 1755 года. «Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоеніе: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми, или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, затѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на упокоеніе мое отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе Россійской Исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ, вмѣсто бильарду, употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ; и сверхъ сего пользу и честь оте-

честву конечно принесть могутъ едва менѣе ли первой».

Такъ просилъ «позволенія» посвящать въ день «нѣсколько часовъ» своимъ любимымъ занятіямъ геніальный и почти никѣмъ изъ своихъ современниковъ не понятый русскій естествоиспытатель, чтобы имѣть «упокоеніе» отъ тѣхъ работъ, въ родѣ «собранія и сочиненія Россійской Имперіи», которыя обезпечивали ему благоволеніе сильныхъ міра, вельможныхъ покровителей не столько науки, сколько лести, украшенной мишурой учености!

Необходимость научнаго образованія и его распространенія въ народныхъ массахъ всегда, со времени Ломоносова, сознавалась всѣми передовыми русскими людьми, всѣми истинными друзьями русскаго народа. Въ защиту науки и свободы научной мысли, научныхъ преподаваній писали почти всѣ тѣ писатели, которыми гордится русскій народъ. И много лѣтъ спустя послѣ Ломоносова другой русскій поэтъ Б. Н. Алмазовъ, въ красивыхъ, торжественныхъ стихахъ воспѣлъ блага, приносимыя наукой.

Для полноты нашего существованія,—справедливо замѣчаетъ этотъ поэтъ,—недостаточно событій обыденной жизни и созерцанія, хотя бы

и прекрасныхъ картинъ природы. «Нѣтъ!—продолжаетъ онъ, свыше жизни и природы

«Есть благодатная струя:
Она съ природой насъ сближаетъ,
Она природу просвѣтляетъ,
Жрецовъ къ ней на служенье шлютъ,
(Къ ней подойти не всѣ дерзаютъ),
Ей всюду храмы воздвигаютъ,
Ее наукою зовутъ.
Въ душѣ безгрѣшной, безмятежной
Живого отрока она
Рукою пробуждаетъ нѣжной
Младыя силы ото сна;
Огнемъ въ немъ тихимъ возжигаетъ
Она къ прекрасному любовь
И пылкихъ юношей питаетъ
И въ свѣжемъ старцѣ согрѣваетъ
Давно смирившуюся кровь.
Въ уединеніи свободномъ
Мудрецъ ей дышетъ и живетъ;
На площади, въ шуму народномъ
Витіи силы придаетъ.
Она въ безвѣстномъ океанѣ
Отважно движетъ корабли,
Хранитъ въ житейскомъ ураганѣ

Насъ въ мелкихъ ужасахъ земли.
Она не знаетъ властелина,
Надъ ней не властна и судьба,
Предъ нею нѣтъ Христіанина,
Ни Іудея, ни раба.
Предъ ней мы всѣ рабы свободы,
Всѣ слѣпо къ ней на грудь идутъ,
О ней же движутся народы
Ей царства крѣпнутъ и цвѣтутъ.
Ея всевидящаго ока,
Всеосвѣщающей зари,
Бѣжитъ исчадіе порока,
Трепещутъ въ ужасѣ цари.
Дыханьемъ огненнымъ въ народы
Она вдыхаетъ духъ свободы,
Миритъ и ссоритъ межъ собой,
Волнуетъ ихъ и усмиряетъ,
Законы зиждетъ, низвергаетъ
И всекарающей рукой
Сплошного зла громитъ твердыню;
Живитъ земное бытіе,
Внушаетъ кротость властелину,
Даруетъ мудрость судіи.
Ее, какъ мудрую подругу,
Въ трудахъ державныхъ царь зоветъ,
Она художнику, какъ другу,

Опоры руку подаетъ,
Даетъ ему оплотъ сужденья
И стройность цѣлаго творенья,
И твердость смѣлую рѣзцу,
И здравость, трезвость вдохновенья
Даруетъ страстному пѣвцу.
И бережно съ людского слова,
Какъ бы съ металла дорогого,
Снимаетъ дикости кору;
Какъ злато, плавитъ, очищаетъ,
Круглитъ и холитъ,—закаляетъ
Горнило истины въ жару.
Даетъ печалямъ нашимъ сонъ,
Даетъ благой исходъ сомнѣньямъ;
Забавамъ, пылкимъ наслажденьямъ—
Границы, мѣру и законъ.
Все въ насъ она перерождаетъ,
Всему даетъ достойный видъ,
Въ насъ мысли къ цѣли направляетъ,
Въ насъ чувства всѣ духотворитъ».

В.—Почему наука, научная мысль, научныя изслѣдованія должны быть свободны?

О.—Потому что цѣль всякой научной работы заключается въ отысканіи истины. Но какое же можетъ быть исканіе истины, если кто-либо по-

сторонній будетъ ставить ученому изслѣдователю тѣ или иные предѣлы въ его изслѣдованіяхъ, или если самъ изслѣдователь почему-либо будетъ бояться подвергать изслѣдованію тѣ или иные предметы, отыскивать рѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Ставить ограниченія или какія бы то ни было стѣсненія научной мысли, научнымъ изслѣдованіямъ, можно было бы лишь тогда, еслибъ мы уже обладали знаніемъ истины и были убѣждены, что ученый ищетъ ее на ложномъ пути, ищетъ не тамъ, гдѣ она находится. Такъ, напримѣръ, въ средніе вѣка церковныя и свѣтскія власти преслѣдовали астрономовъ въ убѣжденіи, что они заблуждаются, и что тѣ истины, къ открытію которыхъ стремились астрономическія изслѣдованія, уже раскрыты въ Библіи. Но если бы мы обладали уже знаніемъ тѣхъ истинъ, установить которыя стремится наука, то всякія научныя изслѣдованія стали бы совершенно излишними. И дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ люди были увѣрены, что въ Библіи, или въ Коранѣ, или въ какомъ бы то ни было произведеніи ума человѣческаго уже содержится вся истина доступная человѣческому разуму, замирала всякая научная мысль, прекращались всякія научныя изслѣдованія. Точно также

всѣ тѣ люди, которыя пытаются ограничить свободу научныхъ изслѣдованій подъ предлогомъ, что эти изслѣдованія могутъ повредить ихъ отечеству или ихъ родному народу, сознательно лгутъ, или, въ лучшемъ случаѣ, глубоко заблуждаются, такъ какъ исканіе истины въ конечномъ результатѣ *можетъ дать лишь истину; истина же* же вредна только тѣмъ людямъ, для которыхъ ложь выгодна. По адресу подобныхъ, именно, людей еще Ломоносовъ писалъ въ своемъ «Письмѣ о пользѣ стекла», адресованномъ И. И. Шувалову:

«...*Подъ видомъ ложнымъ симъ почтенія боговъ*
Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество
вѣковъ.
Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь міръ сей сотворила.
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище бо-
говъ
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже́ подъ жертву
дровъ,
Что агнцовъ и волковъ жрецы ѣдятъ напрасно;
Сіе одно, сіе казалось быть опасно».

IV.—Искренность любви къ родному народу.

— —

В.—Если человѣкъ считаетъ русскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ, а русскій народъ своимъ роднымъ народомъ, то имѣетъ ли онъ право именоваться «истинно-русскимъ человѣкомъ»?

О.—Нѣтъ! Подобное самоименованіе было бы равносильно самохвальству. Быть истинно-русскимъ человѣкомъ—долгъ каждаго русскаго человѣка, какъ быть храбрымъ—долгъ каждаго офицера и солдата. Но если бы какіе-нибудь офицеры вздумали выдѣлять себя изъ среды другихъ офицеровъ, именуя себя «истинно-храбрыми» офицерами, то, несомнѣнно, они были бы подняты на смѣхъ своими товарищами, какъ хвастуны и самохвалы. Скромный и честный офицеръ постарается подвигами своими въ борьбѣ

съ непріятелемъ добиться того, чтобы *другіе* признали его истинно-храбрымъ офицеромъ. Точно также русскій человѣкъ долженъ стараться доказать своими дѣлами и поступками, что онъ—«истинно-русскій человѣкъ». Величайшій изъ русскихъ поэтовъ, А. С. Пушкинъ, пламенно любившій Россію и русскій языкъ, писалъ о себѣ самомъ, имѣя отъ роду 19 лѣтъ, т.-е. въ возрастѣ, когда человѣку свойственно преувеличивать свои силы и способности:

«Великимъ быть *желаю*,
Люблю Россіи *честь*,
Я много обѣщаю,
Исполню ли—Богъ вѣсть!»

Какъ видимъ, этотъ геніальный юноша желалъ совершить великія дѣла, сознавалъ, что любитъ Россію, но не позволилъ себѣ, на основаніи этого, именоваться «истинно-русскимъ»; онъ понималъ, что его желанія и его чувства—пока лишь «обѣщанія», выполненіе которыхъ зависитъ отъ воли Божіей. Точно также и всякій скромный и честный русскій человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы *другіе* признали его истинно-русскимъ, признали, что онъ

искренно любитъ русскій народъ и желаетъ ему дѣйствительнаго блага.

В.—Какая любовь къ родному народу можетъ быть названа искреннею любовью?

О. — Величайшій Учитель любви сказалъ: «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоанна XV, 13). Если, слѣдовательно, человѣкъ настолько сильно любитъ народъ свой, что готовъ душу свою положить за него, т.-е. за народное благо и счастье, за свободу и просвѣщенье народа, то его любовь можетъ быть признана дѣйствительною, искреннею любовью.

В.—Какъ можно душу свою положить за родной народъ свой?

О.—Во-первыхъ, можно отдать жизнь свою на полѣ брани за свободу и счастье своего народа. Но далеко не всѣмъ суждена такая счастливая доля. И далеко не всѣ, погибающіе въ бояхъ съ врагами народа, заслуживаютъ того, чтобы ихъ считали «положившими душу свою» за народъ, такъ какъ многіе принимаютъ участіе въ борьбѣ съ врагами родного народа лишь противъ воли, по принужденію или же исключительно въ надеждѣ получить высшіе чины и другіе награды, т.-е. изъ-за тщеславія. Лишь тотъ,

кто дѣйствительно «влагалъ душу свою» въ борьбу съ врагами народа, кто дѣйствительно боролся за народъ и только ради родного народа можетъ, погибнувъ въ этой борьбѣ, считаться положившимъ душу свою за родной народъ свой. Во-вторыхъ, и человѣкъ, которому судьба не судила съ оружьемъ въ рукахъ погибнуть за благо и свободу своего народа, можетъ всею своею жизнью, всею своею дѣятельностью доказать, что онъ всегда былъ готовъ положить душу свою за народъ свой, такъ какъ всегда во всѣхъ своихъ поступкахъ и предпріятіяхъ служилъ благу и свободѣ родного народа. Впрочемъ, нужно помнить, что не только на полѣ брани люди погибаютъ за свободу и ради счастья другихъ людей. Мирные труженики нерѣдко платятъ жизнью за исполненіе обязанностей своихъ, необходимыхъ для благосостоянія и безопасности ихъ согражданъ. Такъ, напримѣръ, врачи, фельдшера и фельдшерицы, санитары, сестры милосердія и больничные служители во время эпидемій рискуютъ своею жизнью въ значительно большей степени, чѣмъ солдатъ на войнѣ. Служащіе въ пожарныхъ командахъ обыкновенно подвергаются весьма серьезной опасности при тушеніи пожара. Значительное число рабочихъ на фабрикахъ, въ

каменноугольныхъ копяхъ и рудникахъ, желѣзнодорожныхъ машинистовъ и кочегаровъ, матросовъ на морскихъ судахъ ежегодно погибаютъ или получаютъ тяжкія увѣчія, исполняя свои обязанности столь необходимыя для блага и процвѣтанія родного народа.

В.—Можетъ ли искренняя любовь къ родному народу соединяться съ критическимъ къ нему отношеніемъ, съ признаніемъ его недостатковъ и даже съ публичнымъ порицаніемъ этихъ послѣднихъ?

О. — Не только можетъ, но и должна! Если мать не замѣчаетъ недостатковъ въ характерѣ своихъ дѣтей и не старается содѣйствовать ихъ исправленію, то мы называемъ такую любовь *слѣпою материнскою* любовью. Истинно любящая мать, напротивъ, относится болѣе внимательно къ недостаткамъ своихъ дѣтей, чѣмъ къ недостаткамъ чужихъ, такъ какъ первые причиняютъ ей неизмѣримо большія огорченія, доставляютъ ей неизмѣримо большія страданія. Точно также и всѣ истинно-русскіе писатели всегда пламенно и безпощадно высказывали свое негодованіе по поводу темныхъ сторонъ русской жизни. Такъ, беззавѣтно любившій Россію А. С. Хомяковъ счелъ возможнымъ даже наканунѣ войны съ тур-

ками напомнить своему отечеству о тѣхъ язвахъ, которыя уродуютъ и позорятъ жизнь русскаго народа. «Вставай страна моя родная!—восклицалъ въ этомъ знаменитомъ стихотвореніи Хомяковъ—

За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!...»

Тотъ же Хомяковъ въ назиданье людямъ, склоннымъ чисто внѣшними подвигами благоче-

стія — въ родѣ построенія великолѣпныхъ храмовъ — замаскировывать вопіющія къ небу неправды и несправедливости, позорящія русскую землю и причиняющія русскому народу ужасныя страданія, написалъ слѣдующее безподобное стихотвореніе:

«Израиль! Ты мнѣ строишь храмы,
Тѣ храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.
Къ чему мнѣ храмовъ вашихъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды
И небо очертилъ рукой.
Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Къ чему куренья? Предо мною
Земля со всѣхъ своихъ концовъ
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ тѣсной глубины,
А ваши серебро и злато—
Лишь всплескъ той пламенной волны!...
Есть даръ одинъ, есть даръ священный,
Даръ нужный Богу твоему.
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму.
Мнѣ нужно сердце, чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ!»

Другой столь же истинно-русскій поэтъ, графъ Алексѣй Толстой, глубоко любившій русскую старину, подвергъ, тѣмъ не менѣе, жестокому осмѣянію темныя и позорныя стороны этой старины въ своей прелестной былинѣ «Змѣй Тугаринъ». Приводимъ ее цѣликомъ:

1.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева-града,

Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

2.

И молвитъ Владиміръ:—Что-жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ, незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

3.

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
А ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

4.

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
Владычество смѣлымъ награда:
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

5.

Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,

Обнимутъ твой Кіевъ и пламя и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!

6.

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ пó-небу громъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

7.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня.

8.

Пѣвецъ продолжаетъ:—Смѣшна моя вѣсть
И вашему уху обидна?
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снесть!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

9.

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле—

Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче—каганская воля!

10.

— Стой, — молвитъ Илья: — твой голосъ хоть чистъ,
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ—
Съ тобой не случилось бы то же!

11.

Пѣвецъ продолжаетъ:—И время придетъ:
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

12.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьемъ,
А вы ему стукать, да стукать челомъ—
Ой, срама, ой, горькаго срама!

13.

— Стой,—молвитъ Поповичъ:—хоть дюжій твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ—
Тебѣ не было бы того же!

14.

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15.

И съ честной поссоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на соромъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ Варягамъ спиной,
Лицомъ повернемся къ Обдорамъ!

16.

— Стой! — молвитъ, поднявшись, Добрыня: — не смѣй

Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!

17.

На крыльяхъ бумажныхъ, ночною порой,
Ты часто вкругъ Кіева-града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Попотчую я каленою стрѣлой—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

18.

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.

19.

— Тьфу, гадина! —молвилъ Владимиръ и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада:—
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣснѣ не несъ,
Но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

20.

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плыветъ,
И, смѣхомъ преслѣдуя гада,
По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:
— Чай, пѣсни теперь уже намъ не споетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

21.

Смѣется Владиміръ:—Вишь, выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

22.

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

23.

А еслибъ надъ нами бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ—промолвилъ свѣтъ-солнышко князь:—

Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

24.

Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою,—
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

25.

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новаграда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

26.

Я пью за варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ пріутихъ,
За синее море, которое ихъ
Шумя принесло отъ заката!

27.

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ всплескъ лебединаго стада,

Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ: За князя мы пьемъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

28.

Да правитъ по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пробьетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

29.

Пируетъ Владиміръ со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

30.

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

V.—О народной гордости и національной чести.

В.—Не могутъ ли, однако, порицанія тѣхъ или иныхъ сторонъ народной жизни задѣвать чувство національной гордости и чести?

О.—Что касается національной или народной гордости, то если оно сводится къ горделиво-радостному сознанію, что родному народу суждено было совершить великія дѣла, подарить человѣчеству великихъ людей, то, само собою разумѣется, что никакое критическое отношеніе къ явленіямъ народной жизни не можетъ «задѣть» или «оскорбить» такую народную гордость. Если это отношеніе несправедливо, достаточно доказать, что оно несправедливо. Если же оно было справедливо, то слѣдуетъ лишь благодарить за указанія, которыя можетъ быть прямо или косвенно послужатъ къ устраненію темныхъ,

отрицательныхъ сторонъ въ жизни родного народа. Существуетъ, однако, и такая національная гордость, которая неразрывно связана съ презрительнымъ отношеніемъ къ другимъ народамъ. Она, слѣдовательно, оскорбительна для національной гордости другихъ народовъ и, конечно, постоянно подвергается мнимымъ оскорбленіямъ со стороны людей, справедливо указывающихъ, что всякій народъ имѣетъ свои недостатки и свои достоинства, которые не представляютъ собою, какъ показываетъ исторія, чего-то неизмѣннаго, навсегда заложеннаго въ національномъ характерѣ, а постоянно измѣняются въ зависимости отъ историческихъ судебъ, переживаемыхъ народомъ. Въ этихъ же судьбахъ ни одинъ народъ не воленъ, и каждому народу суждено было переживать въ исторіи и радостные и глубоко-горестные моменты. Именно, противъ такой гордости возставалъ пламенный Хомяковъ, когда обращался къ Россіи со стихотвореніемъ:

«Гордись!—тебѣ льстецы сказали,—
Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
Земля несокрушимой стала
Полмира взявшая мечомъ!

Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
И, прихотей твоихъ раба,
Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
Тебѣ покорная судьба.
Красны степей твоихъ уборы,
И горы, въ небо упершись,
И, какъ моря, твои озеры»...
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей,

И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? и гдѣ монголы?
И, скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной Альбіонъ!
Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!
И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты—
Тебѣ онъ далъ свое призванье,
Тебѣ онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Если бы авторъ этого стихотворенія дожилъ до нашихъ дней, онъ, по всей вѣроятности, измѣнилъ бы свой взглядъ на положеніе Англіи

(«Альбіона»), которая, какъ ему казалось, находится наканунѣ гибели: точно также и относительно «свѣтлаго удѣла» даннаго Творцомъ его отечеству Хомяковъ, вѣроятно, высказался бы съ весьма существенными оговорками; но несомнѣнно, что послѣ ужасныхъ событій русско-японской войны, послѣ пораженій при Ляоянѣ и Мукденѣ, сдачи Портъ-Артура и разгрома при Цусимѣ, онъ съ еще большей убѣжденностью назвалъ бы «прахомъ» всякое земное величіе, всякое земное могущество.

В.—Но существуетъ же національная честь, для защиты которой всѣ члены націи должны быть готовы жертвовать своею жизнью?

О.—Да, существуетъ! Честь націи или народа заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы каждый гражданинъ могъ жить честно, т.-е. трудиться честнымъ трудомъ, не оскорбляя человѣческаго достоинства и чести другихъ гражданъ и не присваивая себѣ какимъ бы то ни было образомъ то, что принадлежитъ другимъ; чтобы каждая мать могла воспитывать своихъ дѣтей въ началахъ чести и справедливости; чтобы ни одна дѣвушка не была вынуждена продавать свою дѣвичью честь, отдавать свое тѣло на позоръ и поруганіе для того только, чтобы получить ку-

сокъ хлѣба насущнаго. И самыми страшными врагами такъ понимаемой народной чести являются всякаго рода насилія и бѣдность народныхъ массъ, безысходная нужда, заставляющая тысячи и сотни тысячъ мужчинъ и женщинъ, стариковъ и старухъ, юношей и дѣвушекъ забывать о всякомъ человѣческомъ достоинствѣ, о всякой чести. Вотъ почему поэты и писатели всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, дѣйствительно дорожившіе истинною національною честью, такъ страстно и съ такою глубокою скорбью описывали ужасы, создаваемые насиліями человѣка надъ человѣкомъ и бѣдностью. Само собою разумѣется, что то же дѣлали и наши истинно-русскіе поэты. «Въ мірѣ есть царь,—говоритъ, напримѣръ, Н. А. Некрасовъ:—этотъ царь безпощаденъ, голодъ названье ему»... И тѣ строки, въ которыхъ этотъ великій поэтъ русскаго народнаго горя говоритъ о тяжкомъ стонѣ, наполняющемъ русскую землю, давно уже стали народною пѣсней:

«. . . . . . Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?

Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи:
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется,—
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!».

И всѣ истинно-русскіе люди, вмѣстѣ съ Некрасовымъ понимали, что честь русскаго народа *прежде всего* требуетъ прекращенія этого «великаго стона», т.-е. устраненія причинъ его вызывающихъ. Несравненныя, по глубинѣ чувства, строки посвятилъ Некрасовъ и долѣ русской женщины - труженицы, женщины — крѣпостной крестьянки:

«Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля:—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына раба,
И третья—до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.
Вѣка протекали—все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки...»

И въ другомъ стихотвореніи, также давно уже ставшемъ народною пѣснеій:

«Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты русская, долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени
Все выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!
Зной нестерпимый; равнина безлѣсная,
Нивы, покосы, да ширь поднебесная—
Солнце нещадно палитъ.
Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!
Приподнимая косулю тяжелую,

Баба порѣзала ноженьку голую—
Некогда кровь унимать!
Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда—растрепалися косыньки—
Надо ребенка качать!
Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!..
Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они все равно!
Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ!..
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?»

Тѣмъ клеветникамъ на русскій народъ, которые, чтобы оправдать свое собственное безучастье къ народной нуждѣ, къ народному горю, осмѣливаются утверждать, что главною причиной бѣдности русскихъ трудящихся людей является пьянство, Некрасовъ даетъ справедливую отповѣдь:

«...Нѣтъ мѣры хмелю русскому.
А горе наше мѣряли?

Работѣ мѣра есть?
Вино валитъ крестьянина,
А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы подорветъ!
Такъ неужли надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,
Такъ погляди-поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое
Скосивши волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,
Тамъ рать-орда крестьянская
По кочкамъ, по заторинамъ
Ползкомъ-ползетъ съ плетюхами—
Трещитъ крестьянскій пупъ!
Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,

Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь, —
Небось мы тутъ красивѣе?
Жалѣть—жалѣй умѣючи,
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ!
У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громомъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лишь дождямъ,
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая,
Крестьянская душа!»

VI.—О происхожденіи истинно-русскихъ людей.

В.—Долженъ ли истинно-русскій человѣкъ необходимо быть чисто-русскаго происхожденія, т.-е. происходить отъ русскихъ отца и матери?

О.—Многіе люди, заслужившіе своею жизнью, пламенною любовью къ русскому народу, своими дѣяніями на пользу русской свободы и просвѣщенія, почетнѣйшія мѣста въ ряду дѣятелей, которыхъ русскій народъ чтитъ какъ истинно русскихъ, происходили отъ нерусскихъ отца или матери, или отъ предковъ - иностранцевъ. Такъ, среди знаменитыхъ русскихъ писателей, фонъ-Визинъ происходилъ изъ древняго нѣмецкаго рыцарскаго рода, Н. М. Карамзинъ былъ прямымъ потомкомъ татарскаго князька Карамурзы: мать Жуковскаго была плѣнная турчанка,

мать Пушкина была внучкой африканскаго негра, другъ А. С. Пушкина, А. А. Дельвигъ, принадлежалъ къ старой фамиліи остзейскихъ бароновъ; о польскомъ присхожденіи Гоголя мы уже говорили. Мать Н. А. Некрасова также была полькой; родъ Лермонтовыхъ былъ шотландскаго происхожденія. Среди русскихъ полководцевъ, знаменитнѣйшій, А. С. Суворовъ, имѣлъ шведскихъ предковъ. Среди ученыхъ, много сдѣлавшихъ для развитія русскаго языка, В. И. Даль происходилъ отъ отца-датчанина и матери-нѣмки, А. Х. Востоковъ принадлежалъ къ нѣмецкой семьѣ Остенековъ, но изъ любви ко всему русскому перемѣнилъ свою фамилію на русскую. И число этихъ примѣровъ могло-бы быть значительно увеличено. Но и приведенныхъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы доказать, что происхожденіе, въ которомъ человѣкъ не воленъ и которое вовсе не опредѣляетъ характера и дѣятельности человѣка, не можетъ играть никакой роли въ рѣшеніи вопроса, кого слѣдуетъ считать истинно-русскимъ человѣкомъ. И великій Пушкинъ былъ вполнѣ правъ, когда бросилъ въ лицо знаменитому въ лѣтописяхъ русской литературы ренегату, доносчику и лизоблюду Булгарину эпиграмму:

«Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшка-ляхъ, Мицкевичъ-ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда:
Будь жидъ—и это не бѣда:
Бѣда, что ты Видокъ Фиглярин!»

Замѣтимъ, впрочемъ, что Булгаринъ принадлежалъ къ числу лицъ, глубоко презиравшихся современнымъ ему русскимъ образованнымъ обществомъ. Пушкинъ же не щадилъ и людей уважавшихся всѣми или весьма высокопоставленныхъ, если только замѣчалъ въ нихъ стремленія, враждебныя дѣлу просвѣщенія и освобожденія русскаго народа. По адресу Карамзина, напримѣръ, обнаружившаго въ своей «Исторіи государства россійскаго» глубокую любовь къ русской старинѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и склонность слишкомъ увлекаться казовой, оффиціальной стороной русской исторіи, забывая при этомъ о страданіяхъ русскаго народа, истощавшаго свои силы въ борьбѣ съ внѣшними врагами и съ внутреннимъ гнетомъ, Пушкинъ написалъ эпиграмму:

«Въ его исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья

Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Князя А. И. Голицына, представителя реакціонныхъ стремленій того времени, Пушкинъ называетъ въ посвященной ему эпиграммѣ «холопской душой» и «гонителемъ просвѣщенія», а сподвижника Голицина, митрополита Фотія, геніальный поэтъ охарактеризовалъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ
Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ.
Пошли намъ, Боже, недостойнымъ,
Поменьше пастырей такихъ—
Полублагихъ, полусвятыхъ».

В. — Неужели и совершенно нерусскіе, по своему происхожденію, люди могутъ быть истинно-русскими по своимъ чувствамъ, по своему образу мыслей и по своей дѣятельности?

О.—Несомнѣнно! Таковымъ былъ, напримѣръ, докторъ (врачъ) Гаазъ, Ѳедоръ Петровичъ (Фридрихъ-Іосифъ), родившійся близъ Кельна, въ Германіи, въ 1780 г., а скончавшійся въ Москвѣ въ 1844 году. Въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка

Гаазъ былъ самымъ извѣстнымъ врачомъ въ Москвѣ. Вся Москва лѣчилась у него; цѣлые дни знаменитый докторъ разъѣзжалъ по городу въ каретѣ четверкой съ двумя ливрейными лакеями. У него было два собственныхъ дома, пригородная дача, суконная фабрика, деньги въ банкѣ. Пригласили однажды Гааза быть членомъ попечительства о тюрьмахъ. Совсѣмъ новый мiръ открылся глазамъ доктора. Онъ увидѣлъ темныя, сырыя тюрьмы, переполненныя арестантами. Тутъ были мужчины, дѣти, старики, истощенные, полуголодные, больные, всѣми забытые. Еще ужаснѣе была пересылка арестантовъ въ Сибирь—безконечное путешествiе плохо одѣтыхъ, истощенныхъ людей, которыхъ, ради удобствъ надзора, приковывали всѣхъ цѣпью къ одному общему пруту. Этотъ желѣзный прутъ былъ настоящей пыткой въ пути: здоровые и больные, сильные и слабые должны были итти въ этой общей цѣпи, которую можно было разомкнуть только на слѣдующей остановкѣ. Кто уставалъ, тотъ выбивался изъ силъ, долженъ былъ поспѣвать за остальными, кто падалъ отъ изнеможенiя, того тащили за собой, тащили и того, кто умиралъ дорогой...

Гаазъ былъ глубоко пораженъ тяжелой участью

арестантовъ и, забросивъ свою практику, всей душой отдался дѣлу посильнаго облегченія этой участи. Онъ добился того, что тѣсное помѣщеніе тюрьмы было расширено, пристроенъ новый флигель, и въ камерахъ стало просторнѣе и свѣтлѣе. Затѣмъ Гаазъ сталъ добиваться замѣны ненавистнаго прута, которымъ сковывали арестантовъ въ пути,—кандалами. Но на кандалы тюремное начальство не давало средствъ. И вотъ, Гаазъ достаетъ на это 20000 рублей отъ какого-то «благотворителя». Вѣроятно, онъ же самъ и былъ этимъ благотворителемъ. По крайней мѣрѣ, когда Гаазъ замѣтилъ, что желѣзные наручники, надѣваемые арестантамъ, причиняютъ имъ боль, и тюремное начальство опять не хотѣло ничего сдѣлать,—является снова «неизвѣстный благотворитель», жертвуетъ крупную сумму денегъ и у всѣхъ наручниковъ оказывается кожаная подкладка... Всѣми доступными ему средствами Гаазъ старался облегчить арестантамъ тяжесть заключенія: онъ бесѣдовалъ съ ними, разспрашивалъ объ ихъ жизни, доставлялъ имъ свиданія съ родными, писалъ отъ нихъ письма на родину; онъ носилъ имъ Евангеліе, книги; каждаго уходящаго въ Сибирь онъ снабжалъ на дорогу, чѣмъ могъ, напутствовалъ его ласко-

выми словами и нерѣдко пѣшкомъ провожалъ уходящую партію далеко за заставу. Съ иными изъ сосланныхъ онъ велъ переписку, другимъ доставлялъ свѣдѣнія объ ихъ оставшихся родныхъ... Особенно усердно хлопоталъ, конечно, Гаазъ за невинно-осужденныхъ. Однажды съ нимъ былъ такой въ высшей степени характерный случай: Гаазъ обратился съ ходатайствомъ о смягченіи участи неправильно осужденныхъ къ митрополиту Филарету. Митрополиту это не понравилось.

— Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ,— сказалъ Филаретъ, — о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ,— значитъ, есть за нимъ вина.

Гаазъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ:

— Да вы о Христѣ позабыли, владыко!

Филаретъ замолчалъ и послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины сказалъ:

— Нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ, а Христосъ меня позабылъ!...

Доброе отношеніе Гааза къ заключеннымъ многимъ не нравилось, и у него образовалось много враговъ. Ему самому угрожали тюрьмой, но онъ продолжалъ дѣлать свое доброе дѣло и

дѣлалъ его до самой своей смерти. Всѣ деньги, которыя у него были, онъ истратилъ на помощь больнымъ и арестантамъ и умеръ совсѣмъ бѣднымъ. Хоронили его на казенный счетъ. Многія тысячи народа пришли проводить въ могилу Гааза и горько оплакивали его смерть. Народъ назвалъ его «святымъ докторомъ» [1])...

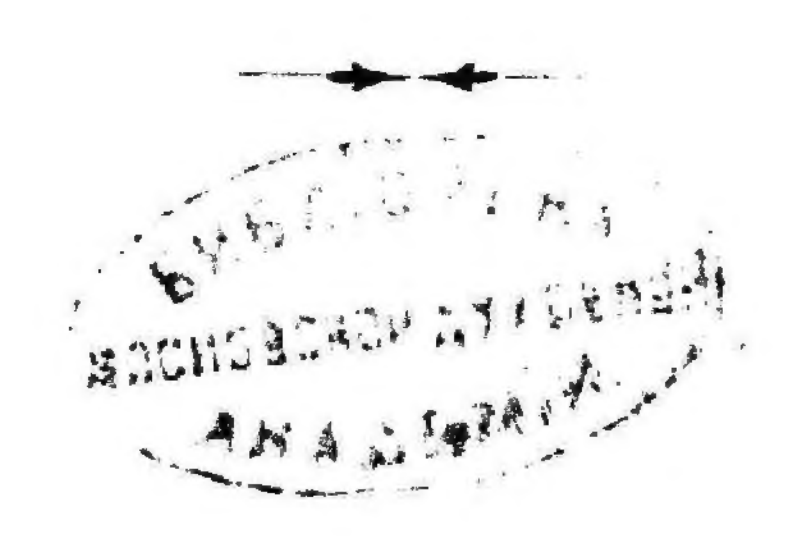
В.—Но почему-же докторъ Гаазъ можетъ быть названъ истинно-русскимъ человѣкомъ, а не просто гуманнымъ и добрымъ, мужественнымъ, великодушнымъ и сострадательнымъ человѣкомъ?

О.—Истинно-русскій человѣкъ и есть, именно, гуманный и добрый, великодушный, мужественный и сострадательный человѣкъ, котораго эти качества души его заставляютъ отдать жизнь свою на служеніе русскимъ людямъ. Если бы судьба забросила доктора Гааза, вмѣсто Россіи во Францію, онъ вѣроятно точно также «положилъ бы душу свою за друзей своихъ» и сталъ бы истинно-французскимъ человѣкомъ. Духъ добра и свѣта дѣйствуетъ въ русской душѣ, какъ и въ нѣмецкой, англійской, францзской. О немъ

[1]) Ср. В. О. Дудинъ, А. П. Стеблевъ и А. С. Толстовъ, «Русская исторія». Москва, 1910, ч. 2-я.

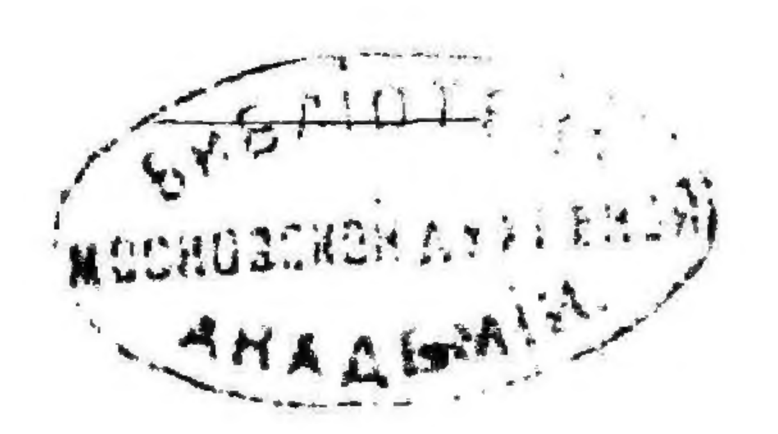
именно сказалъ русскій поэтъ (А. М. Жемчужниковъ):

Ты дышишь, гдѣ хочешь, о Духъ, призывающій къ жизни,—
Дай жизни познать намъ пути,
Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ!
Дохнуть на нее захоти!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того же автора:

Наука, школа и жизнь. Къ вопросу о принципахъ общественной организаціи учебнаго дѣла. Изданіе 2-е дополненное. Одесса, 1905. *(Распродано; подготовляется къ печати 3-е изданіе).*

(*К. Воиновъ*).—Сборники разсказовъ оригинальныхъ и переводныхъ:

Прелюдіи. Одесса, 1901.

Огоньки. Одесса, 1902.

Недосказанные разсказы. Одесса, 1903.

Распроданы

Печатается:

Моменты жизни. (*Миніатюры*). Съ предисловіемъ В. М. Дорошевича.

Подготовляется къ печати:

Какъ и почему мы побѣдили въ 1812 г.? Съ приложеніемъ статьи «Военное дѣло и культура» (Вѣстн. Евр, 1910. VIII, IX).

Цѣна 20 коп.
